

Научная статья
УДК 323(470+571)
<https://doi.org/10.24158/pep.2021.10.1>

К вопросу о совершенствовании политики идентичности в контексте реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации

Виктор Валериевич Титов

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия,
titov-msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9518-2171>

Аннотация. В рамках данной работы исследуется вопрос о совершенствовании системы стратегического управления формированием национально-государственной идентичности в современной России. В качестве теоретического фундамента исследования выступает концепция социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера. Методологическая основа работы выстраивается на основе комбинации структурного, сравнительного и дескриптивного анализа. Автор приходит к выводу, что на данный момент в России отсутствует полноценная система стратегического управления формированием национально-государственной идентичности. Для политики российских властей на уровне стратегического управления характерно наличие существенных недостатков в плане оценки текущего состояния национально-государственной идентичности, постановки задач, подбора методов и индикаторов эффективности достижения выбранных целей. Это позволяет влиять лишь на часть детерминирующей модель идентичности факторов.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, российская идентичность, образ прошлого, образ будущего, стратегическое управление, политика идентичности

Для цитирования: Титов В.В. К вопросу о совершенствовании политики идентичности в контексте реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 10. С. 12–15. <https://doi.org/10.24158/pep.2021.10.1>.

Original article

On the issue of improving the identity policy in the context of the implementation of the State National Policy Strategy of the Russian Federation

Viktor V. Titov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
titov-msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9518-2171>

Abstract. The article investigates the issue of improving the system of strategic management of the national-state identity formation in modern Russia. The concept of social identity by H. Tajfel and J. Turner serves as the theoretical foundation of the research. The methodological basis of the work is built on the combination of structural, comparative and descriptive analysis. The author concludes that at the moment, Russia lacks a full-fledged system of strategic management of the formation of national-state identity. The policy of the Russian authorities at the level of strategic management is characterized by significant shortcomings in terms of assessing the current state of national-state identity, setting goals, selecting methods and indicators of the effectiveness of achieving the selected goals. It allows you to influence only a part of the factors determining the identity model.

Keywords: national-state identity, Russian identity, image of the past, image of the future, strategic management, identity policy

For citation: Titov V.V. On the issue of improving the identity policy in the context of the implementation of the State National Policy Strategy of the Russian Federation // Society: Politics, Economics, Law. 2021. No. 10. P. 12–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/pep.2021.10.1>.

В начале 2020-х гг., в условиях незавершенного процесса формирования устойчивой модели национально-государственной идентичности гражданского типа, особую значимость приобретает нормативная проработка государственной политики идентичности, возможности ее совершенствования в ракурсе ныне действующей Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.

При этом сама проблема идентичности, ее индивидуальных и коллективных форм, весьма широко представлена в классическом и современном научном знании. Так, общетеоретические основы научного подхода к интерпретации идентичности как сложной социально-психологической

макроструктуры, механизмов ее конструирования были заложены еще Э. Эриксоном [1]. П. Бергер и Т. Лукман [2] выделили в качестве ресурса конструирования групповой идентичности дискурсивные практики, а Э. Хобсбаум [3] – интеракции символического и/или ритуального характера, направленные на интеграцию человека в пространство единых ценностей и норм поведения. Б. Андерсон [4] в своих работах развил подход к пониманию макросоциальной идентичности как «воображаемого конструкта», что открыло возможность вести дискуссию о составных элементах образа общности, таких как система представлений о коллективном прошлом, общем будущем, «значимых других» в лице представителей иных сообществ и т. д. Таким образом, был дан стимул развитию научной дискуссии на тему социальных маркеров, позволяющих отграничить общности между собой в символическом и дискурсивном пространстве, а также закрепить их устойчивость.

Обращаясь к вопросу о комплексном осмыслении данной темы в последние годы, необходимо отметить, что она разрабатывалась преимущественно косвенным образом, за счет изучения отдельных аспектов в ключе освещения более широких по объему или смежных вопросов. В исследованиях И.З. Герштейна и М.А. Казакова [5], В.В. Регнацкого [6] тема получила частичное освещение в контексте разработки вопроса о моделях национально-государственной идентичности, в работах В.С. Комаровского [7] – в рамках исследования угроз для ее стабильности модели самоопределения россиян. В.Ю. Рубцова [8] и Д.И. Гигаури [9] раскрыли интересующий нас вопрос в рамках изучения государственной политики памяти.

Как отмечается в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [10], в настоящее время в сфере развития межнациональных и межрелигиозных отношений в Российской Федерации все большую актуальность обретают проблемы, связанные с распространением различных форм экстремизма, включая концепции, основывающиеся на утверждении этнической или религиозной исключительности. Однако сегодня ситуацию в сфере выстраивания государственной политики идентичности усугубляют как сбои в работе механизмов социализации мигрантов из стран ближнего зарубежья, в массовом порядке вовлекаемых в обслуживание различных секторов отечественной экономики, так и тревожно высокий уровень социально-экономического расслоения общества, увеличивающийся разрыв в качестве жизни между различными субъектами Федерации. Ощутимое влияние на ситуацию также оказывает широкое распространение продукции глобализирующейся массовой культуры, способствующее возникновению принципиально новых форм идентичности. При этом речь идет не только о проникновении в символическое пространство России внешних – условно «вестернизированных» – систем самоидентификации. Большой популярностью пользуются, в частности, модели идентичности, базирующиеся на концепциях панисламизма и пантюркизма.

Перечисленные выше *факторы риска* провоцируют заинтересованность со стороны государства в совершенствовании системы воспроизводства национально-государственной идентичности россиян. Однако выработка соответствующих решений в обязательном порядке должна предшествовать оценке текущего состояния национально-государственной идентичности с позиций организации государственного управления в данной сфере деятельности.

Анализ баз нормативно-правовых документов «Консультант Плюс», «Гарант» и «Консорциум Кодекс», а также контента официального сайта Президента Российской Федерации показал, что в рамках действующего законодательства и документов стратегического планирования политика идентичности на уровне системы публичной власти регулируется на основе государственной программы РФ «Реализация государственной национальной политики» (в рамках подпрограммы «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России») [11]. В случае отдельных национальных регионов (таких как Республика Татарстан) действуют также нормативно-правовые акты уровня субъекта Федерации, направленные на обеспечение сохранения идентичности титульной нации данной территории, поддержание межэтнического и межконфессионального мира и противодействие экстремизму на национальной или религиозной почве.

В качестве официальной цели реализации подпрограммы на федеральном уровне указано обеспечение укрепления гражданского единства и самосознания россиян, а также *сохранение самобытности многонационального народа Российской Федерации*. Методы ее достижения сводятся к проведению мероприятий, направленных на укрепление общероссийского гражданского единства и этнокультурное развитие народов России. Ресурсная база подпрограммы на период 2021–2025 гг. предполагает ежегодное выделение финансирования в размере около 437 млн руб. За счет этих средств ответственный исполнитель подпрограммы (Федеральное агентство по делам национальностей) должен обеспечить к 2025 г. увеличение численности участников мероприятий, направленных на укрепление общероссийского гражданского единства до 5,2 млн человек (3,5 % от населения РФ на начало 2021 г.). Количество участников акций, направленных на этнокультурное развитие народов России, должно вырасти до 3,5 млн человек (2,4 % от общей численности населения РФ) [12].

По нашему мнению, с точки зрения стратегического управления подпрограмму характеризует наличие существенных лакун при отсутствии блока, посвященного потенциалу развития – скрытым либо нереализованным ресурсам, пригодным для дальнейшего выстраивания общероссийской национально-государственной идентичности гражданского конвенционального типа (не игнорирующей этнические и региональные особенности различных сегментов российского общества, а наоборот, интегрирующей их). Отдельно следует отметить, что в рамках анализа существующих угроз, который присутствует в указанном нормативном документе, причины их генезиса во многом сводятся лишь к воздействию внешних акторов и распространению деструктивной пропаганды.

Равным образом остается неосвещенным вопрос о недостатках в рамках реализуемой прежде политики идентичности или выстроенной ранее системы управления ею. Цель подпрограммы формализована, однако выбор индикаторов для измерения степени ее достижения является дискуссионным: например, упомянутая среди них численность участников профильных мероприятий не коррелируется напрямую с укреплением национально-государственной идентичности. Данный показатель может регулироваться при помощи использования административного ресурса, придания мероприятиям развлекательного характера и т. д.

Обращает на себя внимание то, что в подпрограмме в качестве формы работы указаны лишь массовые мероприятия. Последнее подразумевает, что деятельность государства как актора политики идентичности в данном случае сводится к материальной поддержке и популяризации проектов частных лиц, коммерческих структур и общественных организаций.

Вопросы также вызывают отдельные базовые понятия, используемые в подпрограмме. Такие термины, как «культурный (цивилизационный) код», не имеют однозначной трактовки, распространены преимущественно в публицистике и не имеют научного определения. Неоднозначно можно интерпретировать и понятие «традиционные российские духовно-нравственные ценности». В данном случае необходимо учитывать, что устоявшиеся системы ценностей и формируемые ими модели поведения представителей различных этносов и регионов России могут существенным образом отличаться. В частности, традиции многих народов Северного Кавказа в значительной степени обусловлены влиянием традиционного ислама и законсервированных элементов родоплеменного строя (в таких регионах, как Чечня и Ингушетия, например, до сих пор сохраняются элементы тейповой организации). Как следствие, их представления о традиционных нормах и ценностях существенно образом отличаются от жителей ряда иных регионов (включая даже республики с преобладанием мусульманского населения, такие как Татарстан и Башкортостан).

В то же время закономерным и оправданным представляется то, что в подпрограмме имеет место акцент на позиционировании перед целевой аудиторией прошлого и настоящего России и населяющих ее народов. Однако игнорируется вопрос о таких важных факторах формирования и воспроизводства идентичности, как образ будущего и образ «значимого другого».

Таким образом, до конца не разрешенным остается вопрос об устранении противоречий, неизбежно возникающих при одновременном выполнении во многом разнонаправленных задач – *укрепления общей гражданской идентичности и развития этнокультурных моделей самоопределения*. Более того, возникновение упомянутых противоречий является неизбежным. Как известно, еще классики идентитарных исследований (в частности, Г. Тэджфел и Дж. Тернер) утверждают: формирование идентичности невозможно в отсутствие двух факторов – ингруппового фаворитизма (системы представлений о превосходстве собственной общности над прочими) и аугрупповой дискриминации (восприятия другой модели самоопределения как менее престижной). За счет этого развитие одного элемента идентичности неизбежно осуществляется в ущерб другому. Описанное противоречие, которое, безусловно, прослеживается, в государственной национальной политике РФ, не является неустранимым в долгосрочной перспективе. Однако в рамках рассматриваемых документов не сформулированы общие подходы к поиску некоего знаменателя, способствующему смягчению данной проблемы на сегодняшнем этапе эволюции российского федерализма и государственной национальной политики Российской Федерации.

В программе и подпрограмме, несмотря на большое внимание авторов к вопросу об использовании истории как инструмента формирования идентичности, также весьма расплывчато выражена концепция примирения конфликтующих в российском общественно-политическом дискурсе версий мемориального нарратива (в том числе противоречий между предполагаемым консолидирующим общероссийским образом прошлого и его этнорегиональными антиподами), расхождения между которыми способствуют консервации конфликтов внутри общества и размыванию общей гражданской идентичности.

В заключение мы можем признать, что в настоящее время в России до конца не сложилась полномасштабная, стратегически выверенная система управления формированием национально-государственной идентичности. На сегодняшний день государственную политику иден-

точности характеризует целый комплекс недостатков в плане оценки текущего состояния предмета управления, постановки задач, выбора методов и индикаторов эффективности достижения выбранных целей. Она ориентирована на воспроизводство лишь части присутствующих в российском массовом сознании и преимущественно реминисцентных по своей сути моделей коллективного самоопределения. На наш взгляд, перспективы дальнейшего изучения заявленного вопроса заключаются в научной проработке системы рекомендаций по поводу коррекции действующей модели стратегического управления формированием национально-государственной идентичности, как с учетом выявленных недостатков, так и в ракурсе несомненно существующего управленческого потенциала действующей Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации.

Список источников:

1. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. 344 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.
3. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.
4. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышление об истоках и распространении национализма. М., 2001. 288 с.
5. Герштейн И.З., Казаков М.А. Национально-государственная идентичность: историческая эволюция моделей и современная типология // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 6. С. 36–42.
6. Регнацкий В.В. Национально-государственная идентичность в России: теоретическая модель изучения // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 1. С. 39–46.
7. Комаровский В.С. Бедность и неравенство как вызовы национально-государственной идентичности и формированию гражданской нации России // Власть. 2017. Т. 25, № 1. С. 5–11.
8. Рубцова В.Ю. Политика памяти в практике конструирования локальной идентичности // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 1, № 4. С. 450–455.
9. Гигаури Д.И. Политика памяти в практике социального конструирования политической идентичности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10-1. С. 59–64.
10. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (с изменениями на 6 декабря 2018 г.) [Электронный ресурс] // Кодекс: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 10.10.2021).
11. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1532 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=102420710&page=1&rdk=14#0 (дата обращения: 10.10.2021).
12. Там же.

Информация об авторе

В.В. Титов – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=702792.

Information about the author

V.V. Titov – PhD in Political Science, Leading Researcher, Political Science Department, Faculty of Social Science and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=702792.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.09.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 05.10.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 14.10.2021.